советов;

– проведение мониторинга плановых статистических показателей деятельности учебных заведений.

Органы местного самоуправления должны направлять усилия на следующее:

– принятие местной стратегии развития системы музыкального образования, которая должна быть встроена в единое образовательное пространство территории;

– обеспечение реализации выбранной модели развития;

– обеспечение непрерывного совершенствования содержательной базы образования и форм обучения;

– улучшение материально-технической базы учебных заведений и системы их финансирования, внедрение системы доплат и надбавок за преподавательский труд, поощрительной системы для одаренных детей;

– налаживание социального партнерства между всеми заинтересованными субъектами управления музыкальным образованием;

– содействие в формировании профессиональных коллективов учебных заведений, привлечение к работе высококвалифицированных специалистов;

– налаживание системы постоянного мониторинга внедрения стратегии развития системы музыкального образования.

Предложенная схема управления развития музыкального образования сочетает в себе реорганизацию организационной структуры субъекта управления, учебных заведений, обеспечение нового качества взаимодействия субъекта управления с его объектами, а также объектов управления с внешней средой. Реализация предложенной схемы позволит не только повысить качество музыкального образования, но и утвердить за музыкальными учебными заведениями статус важных субъектов социального и культурного развития территории.

В заключение подчеркнем, что особенности и приоритеты функционирования системы управления музыкальным образованием на местном уровне должны быть основаны на выполнении различных функций управления: разработке стратегии и реализации единой политики развития, организации и контроле над их деятельностью.

Литература

1. *Дорош Т.Л.* Музична освіта як важлива складова культурної державної політики http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/db/2011-1/index.html

2. Закон Украины «Про місцеве самоврядування в Україні» від 21 травня 1997 р. № 280/97-ВР // ВВР України. 1997. № 24. Ст. 170. Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80

3. *Байло Н.П.* Формування державної стратегії розвитку музичної культури на державному рівні // Ефективність державного управління : Зб. наук. пр. Вип. 25. Львів : ЛРІДУ НАДУ, 2011. С. 48-56.

УДК 323.

Бочаров Р.А.

Молодежный политический экстремизм в предметном поле политологии

Рассматриваются теоретические подходы к определению молодежного политического экстремизма, а также различные политические причины его распространения.

Ключевые слова: молодежь, регион, политика, экстремизм, протест, стабильность.

Современное общество в силу своей природы и тенденций, в нем действующих, создает и поддерживает поле экстремизма и постоянно провоцирует его проявления.

Понятие «экстремизм» необходимо рассматривать исходя из того, что во-первых, в обыденной жизни, в юридической практике и в науке называется превышением пределов допустимого [1, с. 12]. В отличие от обыденной практики, когда превышение пределов трактуется весьма расширенно, в науке приняты понятия допустимого как предела, за которым складывается угроза существования системы или ее части. В социальной жизни имеют также место ситуации, когда систему необходимо разрушить [2, с. 18–35].

Во-вторых, это наличие злого умысла как органически присущей тому или иному действию, (процессу, идеологии) качественной определенности, воплощающей в обобщенном виде представления о безнравственном, противоречащем требованиям морали, заслуживающем осуждения, т.е. не конкретного перечисления того, что есть зло или что такое «плохо», а наиболее общей и абстрагированной от конкретики характеристики отрицательного в моральном смысле. Или злого умысла как осознанного и представляющего более или менее спланированный акт проявления воли, имеющей в своей основе злой смысл. В силу крайней сложности человеческого бытия, далеко не в каждом случае и отнюдь не большинство людей способны увидеть в действиях или идеологической доктрине наличие злого смысла или умысла. Равно как и сами действующие могут быть уверены, что своими действиями несут добро, а не зло [1, с. 15].

Не существует и не может существовать «позитивного экстремизма». Это всегда негативная характеристика, неотъемлемая составляющая множества конфликтов в любых их проявлениях.

В современной научной литературе термин «экстремизм» рассматривается в широком и в узком смысле. В узком смысле под экстремизмом обычно понимают незаконную деятельность, направленную на насильственное изменение существующего государственного строя и на разжигание национальной и социальной розни.

Для решения ряда практических задач узкая трактовка часто оказывается достаточной. Однако ситуация выглядит гораздо сложнее, когда речь заходит, например, о ксенофобском экстремизме, который опирается на ценности авторитарной личности, для которой характерен целый набор специфических качеств: неприятие чужих групп, слепое следование авторитетам, механическое подчинение общепринятым ценностям, стереотипность мышления, агрессивность, цинизм, подверженность суевериям, сексуальное ханжество, «злобное отношение ко всему гуманному [3, с. 49].

Ксенофобия – это социально-психологическое явление, при котором образ врага во многом создается воображением. «Ксенофобия – опредмеченная, овеществленная, материализованная, снабженная идеологической концепцией иллюзия чужого и незнакомого, при осознанной беспомощности перед ним, когда появляется тот самый фантастический страх, который освобождает от всякой ответственности за образ мыслей, а в крайних экстремальных состояниях – и за образ действия [4, с. 37–38].

Степень подверженности того или иного человека ксенофобии зависит от многих личных и общественных обстоятельств. Консолидация происходит успешнее всего тогда, когда общности грозит опасность - подлинная или мнимая. Так как люди с установками ксенофобии мыслят конкретно и образно, то опасность для них предстает в виде личности или группы лиц, т.е. персонифицируется. Получая исключительно

негативную окраску, персонификация, как правило, всего обращается к национальным или этническим отличиям.

Формированию фантастического страха перед чужаками во многом способствуют СМИ. Под этнические характеристики подкладываются всевозможные обоснования, исторические, реальные, вымышленные, фантастические. Они сплетаются в некий узел, пучок отрицательных свойств. Свойства столь негативны, что смириться с объектом ксенофобии никак нельзя, его можно только уничтожить. Уничтожение, разумеется, происходит условно, ибо для физического уничтожения часто требуется сила, которую можно ждать только извне. Когда эта сила появляется, фобическое агрессивное состояние переходит в действие, актуализируется. При этом оно, чаще всего, получает моральное или физическое противодействие [5, с. 12].

Субъектами носителями этноцентризма (конфликтного этнического сознания) являются различные молодежные сообщества, которые дифференцируются от других по этническим, религиозным, социальным и другим признакам и могут рассматривать себя как «мы», других – как «они». Позитивные характеристики своей группы резко подчеркиваются и преувеличиваются, а свойства других групп и их членов оцениваются по стандартам своей группы (не всегда объективно) и при этом могут принижаться. Эта идеология и установка постулирует неизбежность отчужденности, враждебности и взаимной агрессивности в отношениях между сообществами.

Молодежный политический экстремизм питается от таких корней, как преданность и привязанность к своей социальной общности (этнической, национальной или какой-либо другой). От того, как эта преданность воспринимается и реализуется в конкретных действиях различают две системы социально-психологических установок, которые совершенно по-разному предопределяют характер отношений между людьми, как представителями разных сообществ. В одном случае они строятся на основе взаимоуважения и равенства (патриотизм), в другом – определяются конфронтацией и враждебностью (экстремизм). Для внутреннего мироощущения представителей и того и другого направления характерно состояние внутреннего конфликта, заключающегося в несоответствии между образом идеальной модели и реальной действительностью. В результате чего меняется внутренний мир и позиция личности. Националист выстраивает для себя внутреннюю схему «я - хороший, мир - плохой». Эта схема позволяет оправдывать любые действия. А патриот пытается изменить этот мир другими конструктивными путями [6, с. 115].

Однако, с учетом того, насколько широко распространена социальная и политическая несправедливость, затрагивающая большое число людей, которые при этом не становятся экстремистами, необходимо ввести дополнительные факторы для объяснения условий, при которых фрустрация выливается в экстремистскую деятельность[7, с. 69–70].

Политические конфликты имеют глубинную психологическую основу и возникают, как правило, вокруг проблем идентичности, символов, легитимности, памяти и восприятия справедливости. В то же время верно и то, что на проявление экстремизма сильнее, чем на другие виды агрессии влияют факторы не только и не столько психологического свойства, но и исторические, социально-экономические и другие общественные условия [8, с. 54].

Установлено, что важным механизмом контроля насилия и агрессии на уровне общества, является наложение юридических санкций. Сверх того, что взыскание накладывается на отдельного правонарушителя, совершившего преступление, наказание агрессивного поведения рассчитано и на то, чтобы действовать как средство устрашения, препятствующее совершению дальнейших актов насилия. Однако устра-

шающее воздействие юридических санкций не находит, на наш взгляд, убедительного подтверждения. А потому необходимо, на наш взгляд, уделять больше внимания детям и подросткам, чтобы «снять» вопросы, связанные с агрессивным поведением с чертами расовой, этнической и религиозной неприязни, которое возникает на ранних стадиях индивидуального развития. Если данный вопрос остаётся без должного внимания, то он может закрепиться или обостриться по мере взросления индивида. … Чем предметнее будет работа с моделями агрессивного поведения, тем больше шансов избежать агрессивного поведения во взрослой жизни.

Второй блок вопросов – это наличие серьёзных форм насилия, распространённых среди подростков. Большая доля актов насилия и нетерпимости происходит в стенах общеобразовательных учреждений, непосредственно за их пределами, там, где дети и подростки проводят значительную часть времени, завязывают социальные отношения. Поэтому школы, вузы и центры дополнительного образования мы вправе расценивать как «горячие точки» агрессии, и в то же время они выступают в качестве арены осуществления антинасильственных программ.

Остановимся несколько подробнее на анализе политических причин молодежного политического экстремизма в нашей стране.

На молодежный экстремизм можно оказать эффективное воздействие, если определить кризисные группы, установить носителей экстремистского потенциала, охарактеризовать их, привязать к конкретным типам личности. Можно считать установленным факт, что активизация молодежного экстремизма имеет разнообразные причины, обусловленные сложно взаимодействующей системой внешних и внутренних факторов распространения и институционализации политического экстремизма в молодежной среде.

К внутренним причинам распространения экстремизма и развитию его институциональных структур принято относить:

– наличие в стране большого нелегального «рынка» оружия и относительная легкость его приобретения и переброски в взрывоопасные регионы страны;

– рост масштабов нелегальной миграции;

– наличие значительного контингента лиц, прошедших школу войн в «горячих точках», и их недостаточная социальная адаптированность;

– ослабление или отсутствие ряда административно-контрольных правовых режимов в ряде субъектов Российской Федерации;

– наличие ряда экстремистских группировок, квазивоенных формирований;

– сплоченность и иерархичность преступной среды;

– утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, рост безработицы на Кавказе, распространение среди местного населения ваххабизма;

– обостренное чувство социальной неустроенности, незащищенности у значительной части граждан;

– настроения отчаяния и рост социальной агрессивности, падение авторитета власти и закона, веры в способность и возможность позитивных изменений в 90-х годах XX в.;

– слабая работа правоохранительных, государственных и общественных органов по защите безопасности граждан;

– низкий уровень политической культуры в обществе, широкая пропаганда (кино, телевидение, пресса, литература) культа жестокости и силы [9, с. 329–344].

К внешним факторам, влияющим на распространение политического экстремизма, принято относить:

– рост числа террористических проявлений в ближнем и дальнем зарубежье;

– социально-политическую и экономическую нестабильность в сопредельных государствах как бывшего СССР, так и Центральной Азии;

– наличие вооруженных конфликтов в отдельных регионах;

– стратегические установки некоторых иностранных спецслужб и международных террористических организаций по осложнению обстановки на Северном Кавказе;

– отсутствие надежного контроля за въездом-выездом из России и сохраняющуюся «прозрачность» ее границ;

– наличие значительного «черного рынка» оружия в некоторых сопредельных государствах;

– постоянное финансирование чеченских сепаратистов международными террористическими организациями [10, с. 116–117].

Экстремизм стал идейной основой некоторых организованных преступных групп, совершающих преступления вооруженными устойчивыми формированиями, имеющими иерархическую структуру, объединившимися по принципу националистических и сепаратистских взглядов. Анализ криминальной ситуации в России показывает, что активизируется экстремистская деятельность, связанная с насильственными действиями в отношении граждан иностранных государств, совершенных по мотиву национальной, расовой и религиозной вражды [11, с. 72].

Причины молодежного терроризма и связанного с ним политического экстремизма весьма многолики и корни их понимания лежат в осознании неповторимости наций, этносов и народов [12, с. 17].

Чтобы объяснить в каких случаях и почему движения, стоящие за общественные изменения, прибегают к насилию, а не к общепринятым формам политического участия, некоторые авторы переносят гипотезу фрустрации – с индивидуального на групповой уровень. В этом случае, акты экстремизма воспринимаются как результат социальной и политической обделённости молодежи. В определенных случаях видимая несправедливость восходит к определенным историческим событиям, но чаще всего – это просто явления современной жизни. При других формах молодежного политического экстремизма в основу действий закладывается неспособность оказать влияние на политические решения или культивирование позиции нравственного превосходства над властью, против которой ведется борьба, откуда идеологи данных течений выводят все основные оправдания для своих действий.

Судя по всему, молодежный политический экстремизм непосредственно связан с социальными и экономическими, а также с политико-мировоззренческими, индивидуально и коллективно психологическими проблемами.

Политический экстремизм – это также тактика политической борьбы, заключающаяся в применении (или в угрозе применения) субъектами политики организованного насилия в целях коренного или частичного изменения конституционного строя либо экономических порядков в стране. Молодежный экстремизм является сложным и достаточно высоко институционализированным явлением. Он включает в себя множество разнообразных организаций, имеющих разветвленную структуру, идеологическое и информационное обеспечение, а также достаточную для деятельности ресурсную базу [13, с. 121].

Религиозный политический экстремизм проявляется в крайней нетерпимости к представителям различных конфессий либо непримиримом противоборстве в рамках одной конфессии.

Зачастую он используется в политических целях, в борьбе религиозных организаций против светского государства или за утверждение власти представителей одного из вероучений.

Молодежный политический экстремизм стимулирует очевидная слабость государственных институтов, дезорганизация общества, экономическая и нравственная неопределенность. Эти факторы создают условия, при которых не складывается достаточно эффективной системы противодействия различным религиозным и политическим течениям, которые при эффективно действующем государстве не могли бы проявляться открыто. Сами по себе социальные и экономические проблемы не приводят к активизации молодежного политического экстремизма но, накладываясь на слабость государства, они выступают катализатором их развития.

Литература

1. *Козлов А.* Проблемы экстремизма в молодежной среде. Вып. 4. М., 1994.
2. *Густов В.Л.* Меры по противодействию экстремизму на региональном уровне // Политический экстремизм в России и конституционные меры борьбы с ним: Материалы конференции. М., 1998.
3. *Кольберг А.А.* Ксенофобия как социально-психологический феномен // Вестник СПбГУ. 1996. Сер. 6. Вып. 2. № 13.
4. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления //Социологические исследования. 2008. № 5.
5. *Степанова А.С.* Экстремизм и чтение молодых россиян // Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма: Материалы межд. науч-практ.конференции. СПб, 2004.
6. *Паин Э.А.* Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4.
7. *Сериков А.В.* Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов. Ростов н/Д., 2005.
8. *Левина И.Л.* Агрессивность – свойство личности или показатель ее дезадаптации? // *Психосфера. 1999. № 3.*
9. *Bohleber W.* The presence of the past: Xenophobia and rightwing extremism in the Federal Republic of Germany: Psychoanalytic reflections. American Imago. Vol 52(3) Fal 1995, Johns Hopkins Univ Press, US.
10. *Журавель В.П.* Политический экстремизм: кто кого? Северный Кавказ и некоторые аспекты борьбы с проявлениями терроризма. // Право и безопасность. №2-3 (3-4). 2002.
11. *Воронцов С.А.* Об активизации экстремистских проявлениях в Российской Федерации и необходимости совершенствования антиэкстремистской деятельности. // Юрист-правовед. 2007. № 5 (24).
12. *Скворцова М.Б.* Молодое поколение в системе человеческого потенциала как фактор социально-экономического развития региона (на примере Северо-Западного федерального округа) Автореф. дисс. соиск. уч. ст. канд. эконом. наук. Санкт-Петербург: Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, 2007.
13. *Brustein W.I.* The Nazi Movement," Encyclopedia of Social and Political Movements. New York: Institute of International Education, 2011.